

«ГЛАВНОЕ — ЭТО ВОСПРИЯТИЕ»: ВСТРЕЧА С ПОСЛОМ ШВЕЙЦАРИИ В РОССИИ ИВОМ РОССЬЕ

В декабре 2018 г. в швейцарском посольстве в Москве состоялась встреча господина Ива Россье, посла Швейцарской Конфедерации в Российской Федерации, с главным редактором журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» Владимиром Карловичем Кантором. 13 февраля 2019 г. по приглашению В. К. Кантора господин Россье выступил в ВШЭ в рамках семинара «Запад и Восток: универсализм культуры» Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога. Беседа велась по-английски. Мы публикуем английский текст и русский перевод, сделанный Александром Беграмбековым. Текст приведен в соответствии с нормами письменной речи. Запись оказалась неполной, поэтому здесь представлена не вся дискуссия, однако основные моменты отражены в полной мере.

Владимир Кантор: Позвольте мне представить посла Швейцарской Конфедерации в России господина Россье. Наша лаборатория всегда была заинтересована в контактах с серьезными европейскими политиками, учеными и исследователями. Господин Россье — один из тех, кто, к нашему большому удовольствию, принял приглашение. И сегодня мы рады приветствовать его в Высшей школе экономики.

Открытие встречи.
Выступление Владимира Карловича Кантора

Ив Россье и Владимир Кантор
в посольстве Швейцарии

Иван Простаков: Очень приятно снова приветствовать господина Россье в НИУ ВШЭ. Полученное им образование — прекрасная база для сегодняшней встречи. Полагаю, что политические вопросы не станут для нас основной темой. К тому же на самом деле Европа не то же самое, что и Европейский Союз, и между странами Европы существует большое различие. Вчера я по случаю посетил церемонию в офисе Европейского союза в Москве. Там прошла встреча для российских студентов, в том числе из НИУ ВШЭ, посвященная отношениям между Европой и Россией, и один из вопросов был такой: кто из присутствующих считает Россию европейской страной?

Примерно десять студентов из ста подняли руки. У меня также был очень интересный опыт во Франции. Я работал в Париже и несколько лет назад читал лекцию об отношениях между Европейским Союзом и Россией. Я начал с того же вопроса. Передо мной было около 60 студентов, и только пятеро подняли руки. Поэтому полагаю, что у нас есть много тем для обсуждения. Также надеюсь, что сегодняшняя встреча поможет нам лучше понять друг друга, чтобы работать вместе. Нам это нужно. Спасибо.

Ив Россье: Самое главное — это восприятие. Оно намного важнее, чем реальность. Восприятие передает то, как я вижу что-то, кого-то, страну и самого себя. Самого себя. Самих себя. Других. Всегда существует различие между тем, как мы видим себя и как мы видим других. Это во-первых. Во-вторых, мое личное мнение таково, что я был бы в числе тех пятерых, про которых говорил Иван Простаков.

Почему? По предыдущей работе я объездил половину стран мира. Теперь я уже два года в России. Был везде — в Дагестане, Норильске, Тюмени, Северобайкальске, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Грозном и Ростове. Я не чувствую себя здесь в чужой стране. Конечно, есть различия между Россией и моей родиной, да, но есть также различия между моей страной и Швецией или Португалией, и различий с Россией в моем восприятии не больше, чем с Португалией. Однако их намного больше, если речь идет о Китае, или Пакистане, или Эфиопии, Сомали, Аргентине. Такова моя точка зрения, мы можем обсудить ее, я вернусь к ней позже.

Выступление проректора НИУ ВШЭ
Ивана Валериевича Простакова

Как Россия воспринимается в большей части Европы, в остальной Европе? Обратите внимание, я говорю «в остальной части», а не «в Европе», Россия — это Европа. Это восприятие всегда менялось. Восприятие России (еще раз подчеркну: в остальной Европе) постоянно менялось на протяжении веков, так что не раз, даже в Западной Европе, Россия воспринималась как похожая страна. Так было, например, в 1815 году, между 1905 и 1917 или во время правления Екатерины Второй. Иногда Россия воспринималась как совершенно иная: после Октябрьской революции или в правление Николая Первого. Она стала восприниматься как более близкая во время Александра Второго. Восприятие постоянно меняется, и сегодня многие, наверное, думают, что это совершенно другая, непохожая страна, а, может быть, через 20 лет все будет по-другому.

Важно то, что способно поменять наше восприятие. Например, Петр Великий, — это типичный просвещенный монарх-самодержец (или просвещенный деспот, как мы называем по-французски). Когда он пришел к власти, остальные правители Западной Европы восприняли его как одного из них. Вы скажете, что это касается элиты. Конечно, элиты! Я не имею в виду фермеров в моей стране, они не умели читать и писать и вообще не знали, что есть на свете Россия. Но точно так же они не знали ни о Греции, ни о Португалии. Мы говорим о людях, которые занимаются политикой. Это был момент, когда Россия была сильной и агрессивно расширяла свою территорию. Восприятие ее как близкой не имеет ничего общего с характером ее внешней политики. Хотя в прошлом нападения

на Россию в основном шли с Запада — из Польши, от шведов, литовцев и др., тем не менее Россия воспринималась очень похожей страной. А во время Николая Первого российская внешняя политика была мирной в юго-восточном регионе Европы, но Россия снова воспринималась совершенно иначе.

Второй пример — 1815 год: Россия повсюду в Европе. Александр Первый в Вене, русская армия в моей стране. Русские в Париже, они ходят в рестораны, у них не так много времени, поэтому они говорят: «Быстро, быстро!». Бистро — вот почему мы до сих называем так кафе-рестораны, это из-за русских в 1815 году. В тот момент просвещенные монархи-самодержцы хотят восстановить власть в Европе, поэтому они все думали одинаково — Меттерних думал так же, как Александр Первый. И русская армия везде в Европе. Россия воспринимается очень похожей страной.

Отношение меняется между 1820 и 1830-ми годами, но почему? Причина не в России, а в европейских либеральных движениях. Внезапно идея, что лучшая форма государства — это просвещенное самодержавие, а лучшая форма правления — это единовластие просвещенной личности, дискредитируется. То же ощутили будущие декабристы, когда вернулись в Россию после победы над Наполеоном. Либеральные движения поначалу не оказались успешны в Западной Европе, и Россия приходила на помощь правительствам. И потому она начала восприниматься как враг либеральных движений — но не из-за того, что нечто произошло в России.

Еще один пример — период между 1905 и 1917 годами. Вы не представляете, как тогда Россия была популярна в остальной Европе: все переводили великую русскую литературу, все собирались слушать русскую оперу, открывали русские рестораны, везде все инвестировали в Россию, экспортировали в Россию. Я родом из маленькой страны. Сегодня в России проживает 700 швейцарцев, это не так уж и много. В 1910 году только учителей было 2000 человек, а так в России жили десятки тысяч швейцарцев разных профессий. Этот период, 1905–1917 годы, снова оказался временем предельной близости: все следили за тем, как идет движение в определенном направлении, и Россия пользовалась огромной популярностью не потому, что нечто изменилось в Европе, но оттого, что в самой России произошли изменения.

Таким образом, мы видим, что влияет либо то, что происходит в вашей стране, либо то, что происходит в других странах. С моей точки зрения, катастрофа произошла в 1917 году. Жан Батист Дюрозель, французский историк, говорил, что в это время Россию выгнали из Европы потому, что она пошла совершенно другим путем, прочь от других стран Европы. Это не совсем так. Можно спорить о том, что произошло в России в 1917 году, можно обсуждать это часами, но первым фактором стала страшная Первая мировая война. Миллионы солдат погибли

даром, это была индустриальная война с пушками, первыми танками, с отравляющими газами. До этого момента казалось, что вот-вот станет реальностью мечта о постоянном прогрессе в направлении большего количества социальных свобод, в сторону процветания, более совершенного управления. Бытовала идея, что прогресс идет в различном ритме в зависимости от страны, но направление у всех правильное.

В 1917–1919 годах из-за Первой мировой войны эта идея умерла. Прогресса нет. Когда 100 000 человек могут умереть за два часа на поле битвы на 200 метрах грязи, в чем прогресс? Нет прогресса — это нонсенс. И это повлияло и на искусство. Внезапно реальность была разрушена, появились абсурдные абстракционизм, дадаизм и т.д. Родились две идеологии, нацизм и большевизм, которые целиком вышли из Первой мировой войны. У них есть нечто общее, очень важное: согласно им, можно продвинуться в истории, но не медленной эволюцией, а борьбой с другими народами не на жизнь, а на смерть. С точки зрения нацистов, Германия должна уничтожить всех своих врагов, чтобы сделать мир лучше для немцев. Они вторгались на территории Восточной Европы, и для них там жили не люди — животные, а не люди, значит, их нужно было поработить или уничтожить. Для большевиков то же самое. Гражданская война — это мир смерти. Есть враги народа, враги народа должны быть убиты, они не являются частью народа.

Таким образом, такая «дарвиновская» идеология заключается в том, что идет борьба, и когда сильный выживает, активнее движется прогресс. Это порождение Первой мировой войны. Революция в России не так уж отличается от аналогичных процессов в Германии.

Как бы там ни было, в 1917 году близость исчезла. Швейцария в 1905 году была беднее, чем Россия. Мы были крайне бедны в XIX веке, мы были одной из самых бедных стран Европы, у нас ничего не было, поэтому в 1905–1915 годах десятки тысяч швейцарцев эмигрировали не только в Россию, но и в Америку, в Канаду, в Аргентину. В те дни многие ездили в Россию, а через 100 лет в России оказалось всего 700 человек, и это из-за 1917 года.

Русская революция привела к прекращению контактов, которые всегда имели место прежде. Возьмите интеллектуальные дебаты о том, о чем писали Малиновский или Пушкин в XIX веке. Другие люди и в остальной Европе писали нечто похожее. Но после 1917 года ваша страна резко отделилась от Европы, прекратился обмен информацией. И, конечно, официальная пропаганда сделала разделение еще более напряженным. В конце 1945 года, в конце Второй мировой войны в Западной Европе на короткий период — может быть, месяцев на шесть или на год — Россия снова стала очень популярна, потому что вместе с ней победили немецких нацистов. А затем Сталин увидел ту же опасность, что когда-то была и с декабристами, потому что русские солдаты в Европе находились повсюду, и он

Ив Россье

знал, что когда они вернутся, то скажут и сделают то же, что декабристы после 1815 года. Так что в этот момент Советский Союз повел пропаганду против остальной Европы: есть враги, которые хотят уничтожить Советский Союз, с ними невозможно сотрудничать. Я бы сказал, что после (коммунистического) переворота в Чехословакии в 1948 году восприятие снова изменилось — это уже не Россия, это Советский Союз, очень большая гадкая страна со множеством танков и с отсутствием гражданских свобод. И так она воспринималась долго.

Не думаю, что сегодняшнее восприятие останется таким же через 20 лет. И не думайте, что кто-то прав. Составьте собственное мнение, развивайте собственное восприятие — вот что действительно важно.

Второй пункт — это вопрос профессора Кантор о том, как мы видим Россию сегодня. Очень трудно ответить. Могу сказать, как сам вижу Россию, но это только мое мнение, не думаю, что оно важно. Когда я смотрю ваше телевидение с информацией о моей стране и соседних странах, то не понимаю, что вижу: у меня такое впечатление, будто в Западной Европе (согласно некоторым телевизионным программам или шоу) все мужчины геи, а все женщины — проститутки. Это очень странно, потому что если все геи, то как же проституткам зарабатывать?! И все ненавидят Россию. Сам я никогда не встречал никого, кто ненавидит Россию, особенно сейчас. В Швейцарии или в соседних европейских странах ни одного такого человека не знаю. То, что я вижу со стороны европейцев, это, во-первых, любопытство, потому что Россия далеко, это не Франция, куда може-

те поехать на выходные. Они хотят знать: как дела у россиян? Они дружелюбны? Какая там погода? Россияне все еще читают книги? Какая еда? Так это чувствую я. Я никогда так не сказал бы, если бы это не было правдой. Огромное любопытство, а причина — 70 лет без контактов. Контакты при Советской власти были очень и очень ограничены, теперь дело лучше, сейчас больше людей едут в Россию или из России в остальные страны Европы. Но требуется время, чтобы изменить восприятие.

Во-вторых, есть любопытство на политическом уровне. Россия обычно представляет собой проекцию того, что сам человек хочет увидеть. Если я у себя в стране поговорю с консервативным политиком, он скажет мне, что Россия прекрасна, потому что традиционные ценности все еще живут там. Почему ему это нравится? Потому что это вообще ему нравится. То же самое во многих странах. Если вы спросите кого-нибудь в Швейцарии, как он видит Америку, основываясь на своих ценностях, как правило, ответ будет такой: это земля свободы. А если бы вы спросили социалиста, он ответил бы, что капитализм там без ограничений. И так далее.

Дело в том, что сами вы всегда отождествляетесь с вашими собственными проекциями. Так что не принимайте все всерьез.

Приведу в пример депутата из Швейцарии, члена Парламента, он из очень правой партии, которой не нравятся мусульмане. Я говорил с ним о России, и он сказал мне: «Ты знаешь, нам в Швейцарии нужен Владимир Путин, потому что в Швейцарии тогда не было бы мусульман». А я в ответ спросил: «Ты знаешь, что 15% граждан России — мусульмане?» Он явно не поверил и сказал: «Да ладно, ты ведь шутишь?» Он не поверил мне! Вот до чего может дойти невежество. Проекция его собственных предпочтений не имеет ничего общего с реальной Россией. Я мог бы рассказать ему о Татарстане, Северном Кавказе и прочем. Но я только потратил бы время впустую. Его это не интересует, а интересуют его собственные политические мечты.

Так что, если вы говорите с европейцем, и он заявляет, что ему нравится Россия, не радуйтесь, просто подождите, спросите, почему, а потом послушайте, что вам ответят. И если кто-то скажет, что не любит Россию, не стоит ненавидеть его, лучше спросить, почему, и выяснится, что это вовсе не то, о чем вы думаете. Снова мы говорим о восприятии, но критика превыше всего.

Есть критика, это правда. Есть критика на политическом уровне, она направлена на российское правительство. Эта критика обращена к государству, в сторону администрации Президента, касается вопросов соблюдения прав человека и так далее. Но у вас так же много критики в адрес президента Трампа. В любом случае критика правительства или его действий не является критикой страны или народа.

Может быть, некоторые не понимают, что выступают с критикой и против чего выступают. Предложите им выражаться осторожнее. Можно критиковать правительство. Я сам критикую свое собственное правительство, не тогда, когда я посол, а когда я гражданин моей страны. Но когда я критикую свое правительство, это не заставляет меня ненавидеть свою страну. Поэтому не путайте. Не спрашивайте себя, как другие видят вас, спрашивайте, как вы сами себя видите. Какой ты видишь Россию и что ты хочешь сделать из своей страны? Это важно. То, чем становится ваша страна, вы сами решаете. Не враждебные иностранные державы, или ЦРУ, или еще кто-то посторонний. Если вы знакомы с интеллектуальной историей России, то знаете: этот вопрос стоял всегда. И это очень европейский вопрос. Кто мы такие? Что у нас общего с другими?

В Китае, в Индии, в Пакистане этого нет. Поэтому для меня Россия — просто европейская страна с отличиями. Да, как и любая европейская страна.

Я сказал бы, что основная дискуссия идет между такими людьми, как Чаадаев, с одной стороны, и такими, как Уваров, с другой. Но даже эти позиции не должны быть полностью противопоставлены: перед вами не стоит выбор между подражанием кому-либо и исполнением собственной судьбы. Существует срединный путь, который всегда предполагал обмен между странами, народами, цивилизациями и т.д., ведь все учатся друг у друга, но это не значит, что мы подражаем, что мы дети, а другие — наши учителя. Обмен нужен всем. Я имею в виду вот что. Конституция Швейцарии была создана в 1848 году и в основном копировала американскую Конституцию — не потому, что мы были глупы, но потому, что мы поняли: американцы предлагают очень интересный способ управления федеративной страной. Я не чувствую себя плохо из-за того, что мы скопировали американскую Конституцию. И мне не стыдно за Турцию из-за того, что там скопировали швейцарский гражданский кодекс. Не думаю, что и сами турки чувствуют себя плохо: они ведь скопировали швейцарский гражданский кодекс только по одной причине — он подходил для их страны. Некоторые хотели французский гражданский кодекс в Турции, другие хотели немецкий, и шла борьба. Но те, чьи воззрения победили, возражали: мы не понимаем французов, мы не немцы, мы берем швейцарский гражданский кодекс, потому что он нам подходит, это нормально, и это работает.

Были такие, как Некрасов и Герцен — они отказались от выбора между имитацией чужого пути и собственной судьбой. Любая нация в Европе имеет собственную идентичность, но это не значит, что мы не можем делиться и быть вместе. Мы должны жить в мире, и я думаю, что Достоевский об этом очень хорошо сказал. Надо объединить ценности каждого народа. У России есть что-то, что можно принести в Европу, как у любой другой европейской страны.

Что огорчает меня сейчас — так это конфронтация. Она мешает России уделить Европе больше внимания — и наоборот.

Итак, что значит быть европейцем? Профессор Кантор спрашивает меня: «Чувствуете ли вы себя европейцем?» Во-первых, нужно понять, что значит быть европейцем для профессора Кантора, когда он пишет о европейской культуре. Культура — очень широкое понятие, с этим невозможно не согласиться, но мы должны понять, из чего складывается эта культура. Для европейцев сегодня, я думаю, культура — это в первую очередь наследие прошлого, нашего христианского прошлого. Потому что через века прошла идея ценности человека: ведь если каждый человек задуман и создан Богом и имеет личные отношения с Богом, это означает, что каждый человек очень важен. И так прослеживается прямая связь между христианством и правами человека.

Политическая культура у нас общая, и Россия тоже присоединилась к Европейской конвенции о правах человека, как каждая европейская страна. Это делает Россию европейской страной?

Здесь мы остановимся. Когда я встречаю русских, которые говорят: «Нет, мы не европейцы», — то могу только спросить: а кто вы? Интересно, кто вы? Я слышал такой ответ: «У нас азиатские ценности». Тогда я спросил, что такое азиатские ценности, имея в виду, что азиатские ценности в Пакистане, Таиланде, Японии, Китае и Индии. Не думаю, что в России можно найти нечто подобное. Поэтому, если вы не чувствуете себя европейцем, в то время как Россия европейская страна, это даже опасно. Если вы не европеец, то кто вы?..

Если мы, швейцарцы, решим, что мы не европейская страна, то где мы будем находиться? Мы должны опознавать общность. Традиционно в Европе имелась вариативность центров управления. Такого не было в Китае, но всегда было в Европе. Разнообразие — характеристика этого континента, и при разнообразии страны всегда находили способ объединиться, и это ведет к очень глубокой культуре.

В старшей школе мы читаем русских авторов так же, как немецких, как Шекспира и так далее. В этих книгах описаны люди, которых я вижу, знаю. Я знаю таких, как Чичиков, Базаров, я даже знаю несколько Смердяковых в Швейцарском министерстве иностранных дел. Так что вы видите, насколько мы близки. Вот что имеет значение. Это не значит, что мы будем во всем согласны. Европа никогда не была чем-то таким, что основывалось бы на потребностях одной души и на одной единственной идентичности. Некоторые пробовали, как Адольф Гитлер, но я не думаю, что стоит пробовать снова. Идея Гитлера не была европейским проектом.

Хочу сказать три вещи, но сначала оговорюсь: это лично мое мнение, действительно личное. Я все думаю о вопросе профессора Кантора. После двух лет в

России я бы ответил, что имеют значение три момента, последствия которых и сегодня велики.

Во-первых, это изоляция Советского Союза. Я уже говорил: десятки тысяч швейцарцев в 1910 году — и 700 сегодня. Мы потеряли время, потому что потеряли 70 лет обменов, поэтому нам нужно время, чтобы наверстать упущенное.

Во-вторых, в России было поздно отменено рабство, и это имеет большое значение. Вы возразите, что рабство было повсюду в Европе, и действительно: оно было даже необходимо в Риме, а Римское государство — наш общий предок. Но есть различия. Освобождение фермеров произошло в Центральной и Западной Европе намного раньше, чем это случилось в России благодаря Александру Второму. Это не значит, что европейские фермеры-крестьяне были счастливы: они были бедны, они умирали от голода, они были необразованными, но они были людьми, а не вещами. Далее. Рабство у французов было колониальным — только в колониях, за границей. У португальцев, испанцев, французов рабами были чужие люди — не свои. Америка тоже очень поздно отменила рабство. Там оно не было за границей, как у французов, испанцев, португальцев. Но рабы были черными, это было расистское рабство: ты был чернокожим — ты был рабом. У тебя белое лицо — ты приехал в Америку, не будучи рабом — и ты не становишься рабом. В России очень странно то, что рабство длилось так долго и захватывало русских людей: рабы были православными, ходили в церковь, говорили на том же языке. Они не приехали издалека. Кстати, другие народы империи, например поляки или народы Кавказа не были в крепостной зависимости.

Третий важный момент касается того, что произошло в Советском Союзе между 1917 и 1945 годами. За это время у вас были уничтожены десятки миллионов человек, и погибли они не в результате землетрясений. Самая большая бойня в истории человечества. Миллионы людей умерли насильственной смертью. От Гражданской войны, от голода в 1920-х, от сталинской чистки, а затем от нацистов, а также Второй мировой войны. Люди погибали в ГУЛАГе. Чеченцы, ингуши, другие народы Северного Кавказа были перемещены с большими потерями. Десятки миллионов человек, и это ужасно.

Да, ваша страна — не единственное место, где такое произошло. Но здесь это случилось впервые. Потом в Китае. Там тоже повсюду таилась смерть, но уже позже.

Когда сейчас говорят о Европе, европейском континенте, то видно: разница между жестокостью нацистского режима и сталинской России заключается в том, что нацистский режим длился всего 12 лет, а это не так долго, и в это время немцев целенаправленно не уничтожали. Большинство евреев из Германии смогли сбежать потому, что видели, что происходит. Евреи Польши, Корфу, Венгрии, Белоруссии и Литвы — не имели этого шанса. Нацистский режим очень забо-

Ив Россье в посольстве

тился о том, чтобы пощадить своих граждан. Даже лагеря уничтожения они не организовывали на территории Германии. Собибор, Трешлинка, Освенцим — все они построены за границей. Все массовые убийства нацистский режим совершал главным образом против иностранцев (евреев, поляков, русских и др.) и за пределами страны.

Меж тем сталинский террор захватил российских и советских граждан. Советская власть убивала советских граждан. Отец съел своих детей. Мои украинские друзья говорят: посмотрите, что русские сделали с нами во время голода. Я отвечаю: извините,

эти меры осуществляла Коммунистическая партия Украинской Социалистической Республики и молодые активисты, которые шли в хозяйства, забирали зерно у крестьян, там тоже все были украинцами, и это намного усложняет ситуацию. Усложняет, потому что если вы немец, вы можете сказать: мне жаль. Вы можете поехать в Польшу, Израиль, Россию и Францию и сказать: мне жаль. И так далее. Но как поступить, куда поехать, если ваши собственные люди убивают своих собственных людей? Вы говорите: извините. Но кому вы говорите?..

У меня есть русский друг, у него два деда: один работал в НКВД, и друг сказал мне, что тот убил, вероятно, 2000 человек выстрелом в шею, а другой дед провел 17 лет в Магадане. И друг спрашивает меня: «Что я должен делать? Должен ли я сказать, что прошу прощения за одного деда? Или должен сказать, что жажду возмездия за другого деда?» У немцев нет этой проблемы.

Я думаю, что эти три элемента имеют значение. Они были бы важны для меня, если я был бы русским.

Снова повторю: главное — это восприятие. Никогда не забывайте, то, как тебя воспринимают другие, зависит от тебя. Во-вторых, то, как тебя воспринимают другие, на самом деле не имеет значения. Важно, как ты воспринимаешь сам себя. И третье: твоя страна — это твоя проблема. Другие народы не позаботятся о судьбе вашей страны. Какой будет Россия через 50 лет, зависит от вас. Это работа ваша — и людей вашего возраста. Вы должны решить, как будет потом. И не беспокойтесь о том, что скажут другие, делайте то, что считаете правильным.

Иван Простаков: Спасибо большое. Благодаря лекции я осознал некоторые идеи, которые меняют мое собственное понимание истории России и Европы. Я хотел бы открыть дискуссию. <...> Сам я хотел бы только спросить Вас: каково сегодня восприятие России в Европе? Это продолжение предыдущей традиции, сложившейся за 70 лет? Вы ведь говорите, что очень мало швейцарцев сегодня в России...

Ив Россье: После того, как к власти в СССР пришел Горбачев, страна стала восприниматься совершенно по-другому: все хотели поехать в Россию, стало легко путешествовать, и тогда Россия воспринималась очень позитивно. Я уверен, что Горбачев был бы избран президентом во многих европейских странах, и фактически конец Советского Союза, если сравнивать с концом Югославии или концом Британской империи в Индии или Французской империи в Алжире, стал исключительным примером мирных перемен. Почти невероятных – ведь обычно, когда разваливается империя, гибнет много людей. Вот что я вспоминаю о тогдашнем восприятии России: мне было 28 лет, и я помню, мы все читали газеты (о происходящем в России), все возвращались к русской классике: «Почитайте Толстого». Мой брат, художественный руководитель театра, решил поместить все пьесы Чехова в репертуар. И еще множество примеров. Я думаю, что в тот раз смена восприятия была вызвана изменениями в России.

Что изменилось в Европе? Сначала интерес был направлен на Россию. Затем, с падением железного занавеса, интерес переместился в старые европейские страны, которые были забыты со времен Второй мировой войны. В Польшу, в Венгрию, в Чехословакию. Я думаю, произошло вот что: мы потеряли понимание России, поскольку она была частью Советского Союза, страной Варшавского договора. Советский Союз был в Берлине. Когда СССР распался и восточно-европейские страны внезапно переориентировались на Запад, Россия оказалась далеко. Сыграло свою роль расстояние. Это не так для интеллектуалов, да, но для политиков это далеко. Помню (я уже был в правительстве), никто не думал о русской политике, все думали о политике в отношении Польши, Турции, Болгарии. То, что касалось России, представлялось очень неясным, сложным для понимания. Понимание России как продолжения Советского Союза, конечно, не имело под собой оснований — ведь Советский Союз знаменовал разрыв с Россией, — но интерес к России упал. Эта дистанция все еще не преодолена, но очень любопытно, что будет дальше. Ведь дистанция не сокращается на уровне политики государства, но может преодолеваться на уровне самих стран.

Илья Павлов: Может быть, вы знаете, главный интерес лаборатории профессора Кантора — русская философия. Вы сказали, что русская литература, русская опера популярны в Европе. А как насчет русской философии — знают ли европейцы Соловьева, Бердяева?

Неформальное общение посла со слушателями

Ив Россье: Философы обычно не популярны. Не каждый их читает. Мне очень нравится Кант, но если я говорю в Швейцарии: «Знаете ли вы, кто такой Кант?», то многие мои собеседники никогда не слышали о нем. Его книги не бестселлеры. Также не все знают о Бердяеве. Русская философская традиция началась немного позже, чем европейская, в XIX веке. Да, европейская либеральная философия имела солидный возраст: эта линия закончилась со смертью Канта в 1804 году. А потом у нас были романтики, и марксисты, и националисты, а Россия пошла другим путем. Я читал не так много из русской философии, но, конечно, Герцена и Бердяева. Они изучаются на философских факультетах и на славянских факультетах. Так что нет, они не очень известны. Русские философы известны меньше, чем русские писатели, но людям, занимающимся философией они известны не меньше, чем другие философы, но в основном это касается философов XIX века. Советских философов не читают, их серьезно не воспринимают. Русские мыслители XX века — в основном из эмиграции, они уехали из СССР и начали преподавать в университетах Западной Европы, в Америке, поэтому они были более известны.

<Вопрос>: Что вы скажете о проекте Шарля де Голля о Соединенных Штатах Европы от Атлантики до Урала?

Ив Россье: Это не проект, а всего лишь фраза, конструкция. Единственное политическое строительство, которое происходит сегодня в Европе — это Европейский Союз, нет ничего другого, и ЕС не растворится в чем-то большем. Поэтому на европейском континенте у вас есть два способа обращения с фактом

существования ЕС: вы становитесь его членом и проблема решена — или вы тратите время на размышления об отношениях с Европейским Союзом. Этим мы и занимаемся в Швейцарии. Именно это открывают для себя британцы. Больше ничего нет и никогда не будет ничего другого.

Европейский Союз — это метод, а не государство, не международная организация. Это просто метод. С его помощью государства принимают решения вместе. Я думаю, что это взаимодействие представляется очень странным для России. Россия всегда видела два уровня в Европейском Союзе — Брюссель, где работают бездушные технократы, и столицы: Берлин, Париж, Рим и т.д. Но вы пропускаете самое главное: в Европейском Союзе есть три компонента — Брюссельские институты, страны-члены ЕС, и самое главное — присутствие страны-членов в общих институтах. Принимают решения в Совете министров — крупнейшей и наиболее влиятельной институции в ЕС. В нее входят по 27 – или сколько там, 28 — министров стран ЕС: министров иностранных дел, сельского хозяйства и т.д. и т.п. В этом особенность этого метода (принятия решений), и он находится в постоянном развитии. Так что никогда не будет чего-то более крупного, способного поглотить Европейский Союз. Поэтому либо вы являетесь его членом, либо остаетесь вне, но вам постоянно придется заново понимать, почему европейцы объединились.

Первая причина — чтобы избежать войн между его участниками. Потому что Европе достаточно двух гражданских войн, Первой и Второй мировой. Объединившись и сохранив внутренний суверенитет, можно быть уверенным, что они никогда не повторятся. Однако сегодня есть и кое-что еще. Две большие силы, США и Китай. Европейские страны поодиночке больше существовать не могут. Британцы, обнаружив, что они выходят из Европейского Союза, сказали: «О, мы заключим большие соглашения с китайцами». Поэтому у вас есть выбор: либо вы вместе, либо вы неактуальны, и у вас не остается ничего, кроме Китая и США. Так что по мне, если Россия и другие страны Европы соберутся вместе, то станут первой силой в мире. Одна Россия между Китаем и Европой недостаточно велика. Да, у нее есть ядерные ракеты, правда, у нее есть нефть и газ, но ее участие и доля в мировой торговле — несколько процентов. И когда русские говорят мне: «Мы не нуждаемся в Европе, мы можем иметь дело с Китаем», — я всегда предлагаю им подумать получше. Китай — вторая по мощности экономика в мире. Тогда как в европейском контексте Россия является одной из крупнейших стран. Так как вы сильнее? Вместе. Достоевский сказал: да, мы даем то, что имеем, и берем взамен то, что у нас общего. Это укрепило бы всех. То, что Россия и остальная Европа сейчас в плохих отношениях, что нет сотрудничества или какого-либо плана, делает каждого слабее. И я бы сказал, что это, кажется, делает Россию слабее, чем остальные европейские страны, но проигрывают все.